

Геннадий Ашин

Формирование дипломатической элиты

В последние годы мы были свидетелями многочисленных ошибок, более того, провалов в нашей внешней политике. Конечно, в какой-то мере ухудшение внешнеполитических позиций России — это объективный процесс, следствие ослабления мощи и, соответственно, влияния России в мире. Это правда. Но не вся правда. Внешняя политика обладает относительной самостоятельностью от внутренней политики, от экономики, и не в последнюю очередь обуславливается субъективными факторами, среди которых важное место принадлежит качеству дипломатических кадров, прежде всего, дипломатической элиты. Достаточно вспомнить дипломатию Меттерниха и Талейрана времен Венского конгресса, чтобы признать способность посредством успешной дипломатии (пусть лишь в некоторой степени) компенсировать относительную военную, экономическую слабость страны, способствуя созданию благоприятных внешних условий для развития и укрепления внутренней политической структуры государства.

В современных условиях особенное значение имеет повышение качества дипломатической службы. Существует несколько путей этого повышения, но мы ограничимся двумя из них, на наш взгляд, важнейшими. Это, во-первых, улучшение формирования, или, как чаще говорят социологи, рекрутирования дипломатической элиты. И, во-вторых, повышение роли (и качества) элитного образования. Между тем, в нашей литературе проблеме рекрутирования дипломатической элиты не оказалось уделено должного внимания. Не исследованы социологические проблемы дипломатии, такие как исследование субъекта дипломатического процесса — самих дипломатов — проблемы социально-классового состава кадров. Впитывают ли они в себя наиболее способных граждан из тех, кто стремится проявить себя в данной области, обеспечивается ли при формировании дипломатических кадров равное представительство основных классов и социальных страт нашего общества или же в состав дипломатического корпуса попадают в основном преимущественно выходцы из наиболее обеспеченных слоев нашего общества, из семей политико-административной элиты, бизнес-элиты и других привилегированных меньшинств?

Трудно не согласиться с теми из исследователей, которые пишут, что история дипломатии свидетельствует о том, что она никогда не была и до сих пор не является вполне демократическим институтом. Обычно это — один из самых консервативных, закрытых или полузакрытых социальных институтов. Иное дело — как оценивать это положение, считать ли его естественным и неизбежным, или же считать необходимым реформировать современную дипломатию в соответствии с требованиями демократии, увеличить представительство в дипломатических кадрах средних и более низких социальных страт общества, сделать дипломатический корпус более репрезентативным с точки зрения представительства в нем основных классов и групп населения, усилить роль "народной дипломатии", не оставляя внешнюю политику лишь профессионалам. Этот вопрос важен и для российской дипломатии.

Многие ведущие политологи и теоретики дипломатии оправдывают закрытый, элитарный ее характер, считая субъектом дипломатии лишь узкую элитную группу, часть господствующего класса, монополизировавшую внешнеполитическую деятельность. Г.Киссинджер в своей известной книге "Дипломатия", написанной в конце XX века, утверждает, что модели стабильного мирового порядка вводит обычно элита, имеющая прочные корни и устоявшиеся ценности (что само по себе не вызывает возражений). Он считает, что единственный в

европейской истории продолжительный порядок был достигнут на Венском конгрессе, что связано с тем, что государственные деятели, собравшиеся в Вене, — дипломатическая элита европейского общества того времени — были аристократами, людьми одного круга, разделявшими одни и те же основополагающие принципы и моральные запреты. По его логике, и новый мировой порядок, актуальный для конца XX — начала XXI веков, должна инициировать элита, разделяющая столь же высоконравственные принципы и моральные запреты, что и аристократы времен Венского конгресса[1].

Как видим, это — типично элитарный подход к внешней политике. Народные массы при этом либо просто игнорируются, либо их роль принижается, они оказываются лишь объектами высокой дипломатической игры, которые ведут от их имени элиты. Но у человека, ориентированного на демократические ценности, возникает вопрос: а можно ли доверять мировую политику узким элитным группам. Перефразируя Наполеона, можно сказать, что мировая политика — слишком серьезная вещь, чтобы доверять ее дипломатическим элитам. Думается, что структуру субъекта внешнеполитического процесса можно представить в виде схемы: народные массы — классы и социальные страты — социально-доминантные группы — внешнеполитические элиты.

Исследователи современных международных отношений, такие, как Дж. Огвин, Э.Клод и др. считают, что современная внешняя политика осуществляется элитой и для элиты. Так, внешнеполитическая элита США вышла из получивших образование в наиболее престижных университетах представителей высшего и высшего среднего класса и является подгруппой правящей элиты страны. Близкая ситуация — в других странах, считающихся демократическими. Так, в ФРГ на долю высшего и высшего среднего классов, составляющих 5–7 % населения страны, приходится более половины представителей политической элиты. Доля высших классов во внешнеполитической элите еще более значительна. Огвин пишет, что элитарной по своей структуре является и ООН. Ее персонал (особенно наиболее высокого ранга) рекрутируется из выходцев высших и верхних страт средних классов, получивших элитное образование. "Во многих культурах и традиционно в Европе дипломаты рекрутировались из аристократии. ООН унаследовала это политическое неравенство. В определенном смысле в ООН господствует аристократия"[2]. * * *

Очевидно, что качество внешнеполитических кадров во многом зависит от принципов их формирования. Исследовать процесс формирования (рекрутирования) внешнеполитической элиты — значит определить, как люди привлекаются к внешнеполитической деятельности, выдвигаются на руководящие (элитные) посты, устанавливаются политические контакты, как они делают дипломатическую карьеру. Каждая политическая система вырабатывает разветвленную структуру рекрутирования. Выработанные правила селекции служат нормами, регулирующими восходящую мобильность внешнеполитических кадров и рутинизирующими процесс рекрутирования внешнеполитической элиты. И тут возникает важнейший вопрос: как сформировать внешнеполитическую элиту самого высокого качества — высокообразованную, компетентную, обладающую высокими нравственными принципами.

Каковы основные типы рекрутирования элиты? Большинство современных исследователей этого процесса справедливо считают, что основным критерием типологии элитообразования является уровень его открытости. Качество элиты зависит от того, насколько она "прозрачна", открыта для наиболее активных, образованных, талантливых, способных к инновациям людей. Предпочтение открытого или закрытого типа рекрутирования элиты определяется тем, ориентирован ли он на критерии аскриптивности (предписанного социального статуса, принадлежности к определенной социальной группе) — тогда это закрытый тип, или же ресептивности (индивидуальных достижений, компетентности) — тогда это открытый, меритократический, тип элитного рекрутирования. Последний тип означает, что тот или иной человек попадает в элиту не благодаря предписанному, полученному по наследству статусу, богатству или связям, но в силу собственных заслуг, способностей, таланта и трудолюбия.

Одна из черт подлинно демократической политической системы — наличие у каждого человека, обладающего талантами, шанса достичь элитной позиции. Закрытый тип рекрутирования элиты характерен для традиционного общества. Опыт истории свидетельствует о том, что закрытая элита, формирующаяся из представителей узкого привилегированного слоя, неминуемо деградирует. На основании этой констатации демократические социологи критикуют элитарность кадрового состава внешнеполитических ведомств большинства стран мира, включая тех, кто именует себя демократией. Именно эти страны, сохраняющие и оберегающие аристократические традиции доиндустриального общества, идут "не в ногу" с постиндустриальной, информационной эпохой. Американский социолог Э. Карлтон считает, чем более сложным является общество, тем более сложна в нем система статусных ролей, рангов. И ставит вопрос: "Соответствует ли ранг вклада, который вносит человек в социальный процесс, его заслугам, или же этот ранг базируется на социальном происхождении богатстве, расовым и национальным признакам?"[3] Подобную позицию занимает большинство современных социологов. А. Суонн, Дж. Мейер, Э. Куинс, Э. Райс пишут: "Элиты, по определению, контролируют большую часть материальных, символических и политических ресурсов. Они занимают высшие посты в иерархии статуса и власти. получив их по положению или по заслугам"[4]. Так вот — по положению или по заслугам — в этом, как нам думается, суть проблемы рекрутирования элит.

Типологию рекрутирования элиты по основанию: открытая — закрытая — Б. Рокмен и некоторые другие американские социологи дополняют типологией по основанию: гильдийная — антрепренерская. Для системы гильдий характерна высокая степень институционализации в процессе отбора, важная роль специального образования, медленный путь наверх по ступенькам иерархии, тенденция к воспроизведению черт уже существующей элиты и небольшой, относительно закрытый селекторат. Именно по этой модели рекрутируется превосходящая часть функционеров министерств иностранных дел большинства стран мира, в том числе России.

Для антрепренерской системы, где селекторат более широкий, на назначение кандидата на элитные позиции влияют не только руководители данной структуры (например, МИДа), но и люди, находящиеся вне системы (от главы государства до лидеров влиятельных политических партий). При продвижении наверх по этой системе можно миновать карьерные ступени и рутинные процедуры. Только таким путем на элитные дипломатические посты смогли придти непрофессионалы, например, нынешний государственный секретарь США К. Пауэлл. А президент США Ф.Д. Рузвельт назначал того или иного политического, общественного деятеля в знак признания его заслуг на престижный пост посла: так стал американским послом во Франции У. Буллит, а в Англии — Дж. Кеннеди. В советское время по этой системе на пост министров иностранных дел были назначены Д. Шепилов, Э. Шеварднадзе, широко практиковалось назначение на должность послов в стратегически важные страны функционеров КПСС (часто провалившихся на своих постах секретарей обкомов или даже ЦК КПСС; такое назначение рассматривалось как "почетная ссылка"), в постсоветский период таким образом были назначены первый зам. министра иностранных дел Ф. Шелов-Коведяев, посол во Францию Ю. Рыжов (кстати, хорошо проявивший себя на незнакомой ему ранее дипломатической службе) и др.

Важнейшее место при формировании внешнеполитических кадров занимает образовательный процесс. Уровень квалификации работников напрямую связан с качеством полученного ими образования. Дипломатическая элита во многом обязана своей карьерой, своим продвижением на высшие дипломатические посты именно элитному образованию. Поэтому несомненно, что внешнеполитические кадры нуждаются в элитном образовании, которое в нашей стране дают такие высшие учебные заведения, как МГИМО, Дипломатическая Академия, гуманитарные факультеты МГУ и другие элитные университеты страны: Санкт-Петербургский, Московский Лингвистический университет и некоторые другие.

Термин "элитное образование" употребляется в литературе в нескольких смыслах. Прежде

всего, элитным образованием называют образование самого высокого качества (в англоязычной литературе — high quality education). Этот термин также используется для обозначения образования, нацеленного на подготовку элиты. Во втором случае главный вопрос — кого готовят и кого следует готовить к занятию элитных позиций — выходцев из элитных семей (пользующихся высоким престижем, богатством и связями), чтобы воспроизводить элиту "естественным" образом, или же следует искать одаренных детей, талантливую молодежь во всех социальных стратах общества и во всех регионах страны?

Первый подход — назовем его элитарным образованием — означает систему закрытого образования, оно обрекает на деградацию систему, как и производимую ей элиту. Применительно к современной России это означало бы подготовку на элитные позиции исключительно детей высших государственных служащих, "новых русских", имеющих возможность нанимать дорогостоящих репетиторов. И только второй подход отвечает задаче создания элиты высокого качества, как в интеллектуальном, так и в этическом плане. Речь идет о принципиально открытой системе элитного образования.

Вопрос о дифференциации образования, о справедливости или несправедливости существования элитных школ и вузов давно обсуждается в мировой педагогической литературе. В ней выявились два альтернативных подхода. Эгалитаристские критики элитного образования используют следующие аргументы: элитные школы — это вызов демократии, пережиток аристократических времен, они вредны, потому что ставят детей в неравные условия, воспроизводя и закрепляя систему социально-классового неравенства. Эти аргументы не лишены основания. Но надо помнить и то, что эгалитаристские теории в советской педагогике нанесли значительный ущерб качеству отечественного образования: они сделали среднее образование действительно "средним", в смысле посредственности, поощрения единообразия, униформизма, игнорирования вундеркиндов, которые "ломают строй".

Теперь выслушаем и другую сторону — сторонников элитного образования. Единая (и единообразная) система обучения не учитывает разнообразия личностных ориентаций, глушит индивидуальность, нивелирует личности обучающихся, не стимулирует развитие их талантов, уникальных способностей. В демократическом обществе наряду с государственной должна существовать и независимая система образования, в том числе альтернативного, и пусть родители и дети выбирают ту систему, которая им больше подходит. А если одаренные дети из малообеспеченных семей не могут позволить себе оплачивать дорогостоящие частные школы, они должны иметь право на дотацию со стороны государства, на специальные гранты. Элитные школы, такие как Итон, Хэрроу в Англии, Гротон и Сент-Поль в США, элитные университеты — Оксфорд, Кембридж, Гарвард, Йель, Принстон — должны быть маяками для образования, своего рода полем для экспериментов.

Можно заметить, что картина, рисуемая сторонниками элитного образования, пожалуй, слишком розовая, это скорее норматив, идеальная модель. В стране, строящей рыночное хозяйство, люди все более четко осознают, что социальная справедливость — это не равенство всех в бедности, а равенство возможностей, которое неминуемо сопровождается неравенством в результатах деятельности отдельных личностей. Следует развести понятия "справедливость" и "равенство", так как равенство может быть глубоко несправедливым. Ведь если, к примеру, в школе для всех — и для тех, в ком дремлет гений Моцарта, и для тех, кому "медведь на ухо наступил", — существует единая норма — 45 минут в неделю урока музыки, то это, разумеется, равенство, но равенство вульгарное. Это отнюдь не справедливость — ни по отношению к личности (ее лишают возможности развивать свои способности), ни к обществу (его лишают талантов и их будущих достижений).

Пока мы еще не ответили на вопрос: справедливо ли элитное образование? Для и предлагается различение элитного (открытого) и элитарного (закрытого) образования. Элитарным следует считать образование для узкого круга, в который входят люди по

критериям знатности, богатства, связям. Социологи обычно различают "элиту крови" (господствующую в традиционном обществе), элиту богатства (преобладающую в обществе индустриальном) и элиту знаний (приоритетный критерий в информационном обществе). Поскольку элитарное образование — образование для выходцев из узкого круга, оно, на наш взгляд, несправедливо, оно расточительно для общества: ведь в этом случае теряются таланты детей, семьи которых не могут позволить себе дорогостоящее частное образование. Напротив, элитное образование — образование самого высокого уровня — своим главным критерием имеет способности детей; оно не зависит от происхождения и богатства родителей.

Дискуссионным является и вопрос: служит ли дифференциация образования и элитные учебные заведения закреплению существующей социальной стратификации, или же, напротив — хорошее образование — один из важнейших каналов усиления социальной мобильности, ибо оно служит социальным лифтом, поднимающим людей в более высокие страты общества. Можно показать, что два рассматриваемые нами типа образования соотносятся как два пересекающихся круга, у которых часть площади — общая. Элитное образование исторически возникло и развилось в рамках элитарного (иначе и не может быть в условиях социально дифференцированного общества). И если попытаться выявить историческую тенденцию, можно отметить, что постепенно круг детей, получающих элитное образование, расширялся и изменялся структурно: все большую роль играли способности, и все меньшую — знатность, богатство, связи родителей. Можно сказать, что дифференциация обучения отвечает важнейшей тенденции современной цивилизации — процессу индивидуализации.

Таким образом, мы выяснили, в чем главный порок элитарного образования. И нам следует принять меры против существования этого явления, которое дает о себе знать в нашей стране — как в условиях былой советской системы, так и постсоветской. Мы имеем в виду престижные полузакрытые школы, в которые детей зачисляют "по благу" или за взятку, престижные вузы, куда несравненно большие шансы поступить имеют дети, родители которых могут нанимать дорогостоящих репетиторов (преимущественно из числа преподавателей именно этих вузов), где, соответственно, имеет место скорее "конкурс родителей", чем детей. Ныне положение изменилось только в том смысле, что место старой партократической элиты заняла элита "демократических" чиновников и бизнес-элиты. И так, необходимо расширение элитного образования при отсеке элитарного — во имя развития творческих способностей личности, а также соблюдения принципов демократии и социальной справедливости.

Исследователи элитного образования не могут игнорировать один важный аспект. Как убедительно свидетельствуют данные социологических исследований, этой формой образования охвачены (в том числе в странах Европы, Северной Америки и, в значительной мере, постсоветской России) прежде всего выходцы из семей представителей высшего и высшего среднего классов, политико-административной, экономической, культурной элиты. И именно поэтому особенно важно — и для общества и для самих выпускников элитных учебных заведений — воспитывать отпрысков этих семей не в духе высокомерия и сознания своей "элитарности", а, напротив, в духе уважения представителей менее обеспеченных слоев населения, иных культурных ориентаций, рас и национальностей. Чванливость, высокомерие по отношению к представителям более низких страт общества — отнюдь не отличительный признак выпускников подлинно элитных учебных заведений, напыщенность, тщеславие — качество культурных плебеев, "мещан во дворянстве", которые мнят себя элитой, не будучи ею на деле (вспомним, что о гуманизме, человеколюбии, уважении к представителям более низких слоев общества как к качеству "благородного мужа" говорил еще Конфуций).

Примечания

1

См: Kissinger H. Diplomacy. N.Y., 1994.

2

Ogwin J. Fragmentation in the Age of Globalism. Where is it Leading? N.Y., 1997, p. 13–16.

3

Carlton E. The Few and the Many. The Typology of Elites, Scholar Press, 1996, p.209.

4

"Current Sociology", V. 48, January 2000, p.4.